

чему мы не хотим сейчас понять, что у Айтматова — не слепок с булгаковского персонажа, это совсем другой герой, выполняющий другие художественные функции? Диалог в «Плахе» между Пилатом и Иисусом — в другой, нежели у Булгакова, сфере, в другой плоскости! Он служит другим художественным задачам...

Иосиф ВАЙНБЕРГ. Я согласен с многими выступавшими... Острота проблематики, которая прозвучала в романе, — не заслуга Айтматова. Недавно я слышал по радио документальную запись о работе сотрудников уголовного розыска, разоблачающих наркоманов. Другое дело, что сам замысел романа — мировой, я бы сказал, вселенский, ибо в нем ставятся основные вопросы бытия, которые человечество решает две тысячи лет. Айтматов, поставив в наше время вопрос —

как бороться со злом, постарался его решить. Первая и последняя части романа неразрывно связаны: от христианского смирения Авдия, его желания бороться со злом словом — до выстрела Бостона. Но дело в том, что все это плохо художественно решено. Шито, простите за грубость, белыми нитками. Поведение Авдия не мотивировано — все его встречи случайны, сконструированы. И у Достоевского мы встречаем неровности стиля — но там характеры, идеи! Хотели бы вы встретиться и поговорить с Авдием? Он не интересен, не мыслитель! Ясно с самого начала, что ничего из опыта Авдия не выйдет. Мне представляется, что высокий замысел романа реализован наспех.

Валерий ЛЕВИН, научный сотрудник. Хочу напомнить, что буквально с первых страниц романа ставится вопрос, который человек не устает себе задавать с тех

пор, как осознал себя разумным существом, а именно: почему Зло так часто побеждает Добро? И не беда автора, а достоинство, что он вновь поставил этот вопрос и попытался ответить на него и в историческом, и в современном ракурсе. И это, по моему, основная тема. И еще... Тут говорили, что Айтматов пытается осмыслить старый тезис «человек человеку — волк». А мне думается, наоборот — «волк человеку — человек», как это ни покажется странным. Проблематика человечности проходит через весь роман. Трагичность современной ситуации заключается в том, что человеку труднее сохранить в себе человеческое. Гораздо труднее, чем тем же, скажем, библейским персонажам... И Айтматов, взявшись за эту неподъемную проблематику, сумел, конечно, только поставить вопрос. Но и это уже немало, если вспомнить, что именно так же

ставится вопрос в лучших произведениях классики.

На некоторых аспектах романа остановились также Елена МАЛЫХИНА, Владимир РЫНКЕВИЧ, Элеонора ИСАЕВА.

Закрывая обсуждение, В. ГУСЕВ сказал:

— Я думаю, точку ставить рано. Мы имеем дело со сложным явлением нашего литературного процесса. Обсуждение романа только начинается. Высказаны различные мнения, для этого мы и собрались. Очевидно одно — Чингиз Айтматов проявил известное писательское и гражданское мужество, верно выйдя на остросоциальную проблематику. В отличие от некоторых, широко обсуждающихся сейчас в печати и в читательской среде произведений в романе «Плаха» во главу угла специально ставится проблема духовного развития общества. Не случайно так

подробно и взыскательно говорили практически все выступавшие в «Критическом дневнике».

При всем том в каждом выступлении прозвучало признание больших заслуг Чингиза Айтматова перед нашей литературой. А время сейчас сложное, недаром мы говорим о публицистическом периоде в литературе, и с этим еще предстоит разбираться. Время риторики прошло. Но меня настораживает, когда сводят некоторые линии «Плахи» к чисто религиозным тезисам. Не нужно схем!

Многие критики воздержались от выступлений. Это можно было предвидеть. Роман «Плаха» — сложное, повторяю, явление, до конца еще не осознанное критикой. Сейчас время образования формулировок. Это только начало. Но первое наше обсуждение мне показалось интересным и полезным.